

III

ПОЧИТАТЕЛЬ ДВОРЯНОК

Между многочисленными грамматиками, по которым обучается русское юношество, есть несколько грамматик, сочиненных г. Виктором Половцовым¹⁰ и выдержавших по нескольку изданий. Доселе нельзя было с точностью определить, в какой мере заслужен был успех трудов г. Виктора Половцова, но теперь дело вполне решается и разъясняется благодаря усердию просвещенной редакции «Журнала землевладельцев», в 8-м № которого за 1858 г. помещено письмо г. Половцова *«О женщинах»*.

В начале письма г. Половцов обращается к издателям «Журнала землевладельцев» с несколькими комплиментами, столько же галантными, как и патриотическими. Между прочим он говорит, что «Журнал землевладельцев» имеет не мимолетное значение, ибо это лето (в которое издавался «Журн. земл.») врежется на скрижалях отечественной истории¹¹ неизгладимыми чертами на вечные времена. Стремясь, по-видимому, тоже *врезаться на скрижали* на вечные времена, г. Половцов думает достигнуть своей цели напечатанием своих соображений о женщинах. Желая содействовать г. Виктору Половцову в достижении цели столь прекрасной, приводим замечательнейшие места из его оригинального письма.

«Употребив весь век свой (так начинает г. Виктор Половцов) на семейное и общественное, *даже можно сказать государственное* воспитание, я стою за женщин, с которых начинается наше существование, питание, воспитание, возрождение, *одним словом все* (смело и сильно!) А журнал ваш как будто не благоволит прекрасному полу. Положим, что общее название «Землевладельцев»

относится к девицам, замужним и вдовам из помещиц, точно так же, как и к сыновьям их и внукам, супругам и братьям, отцам и праотцам (к праотцам—то, я думаю, всего больше относится!); тем паче под названием *крестьян*, об улучшении быта которых теперь заботятся, надобно разуметь и *крестьянок*. Но вот, в списках «дворянам—помещикам» разных губерний, подававшим отзывы с изъявлением готовности упрочить быт своих крестьян, неужто ни одна губерния не упомянет и «дворян—помещиц»?

Под названием «дворянства» понимаются как дворяне, так и дворянки, а под двойным названием «дворян—помещиков» и Московской, и Орловской губерний русский язык понимает одних только мужчин. (Вот что значит быть филологом!)

Вы сделали больше: с № 2 вы перестали печатать эти списки!... Позвольте надеяться, что уведомите в «Журн. землевл.» о причине, по которой вы перестали печатать списки.

Каждое из имен, вошедших в эти списки, есть достояние истории, если не всей России, то по крайней мере всей губернии, о которой речь (отчего же так скромно?). Те списки, которые напечатаны в № 1, я просмотрел, и нашел...»

Нашел г. Половцов, к своему крайнему прискорбию, «очевидную бедность в женских именах». Нашел он также, что в Нижегородской губернии дворянок подписалось менее, чем в Московской. Это обстоятельство вызвало его на следующее язвительное замечание: «Это значит, что Москва обратила внимание на женский пол во дворянстве

гораздо больше, чем Нижний Новгород. *Москвичи и нижегородцы знают о том, почему и для чего, разумеется, больше, чем я*, странствователь по юговосточным степным губерниям». Очевидно, что автор тоже знает, и очень хорошо знает, *«почему и для чего»*, но не хочет этого высказать по особенной деликатности души своей. Вопрос, заданный им, разъяснен, впрочем, в одиннадцатом № «Журн. земл.» г. Л. Загоскиным, который был, по его мнению, *«натолкнут* многоуважаемым В. А. Половцовым на мысль сравнить число дворян, изъявивших согласие, с общим числом дворян—владельцев каждой губернии». По исследованиям г. Л. Загоскина выходит, что подписавших согласие — *меньшинство*, и притом незначительное. Между тем, по его замечанию, *«правду за всех нас высказал В. А. (Половцов), что по такому святому делу отрадно, успокоительно для совести каждого дворянина было бы видеть свое имя и фамилию в печати, т. е. на скрижалях истории»*. Отчего же не все подписались? По мнению г. Загоскина, тут виноваты *головы наши*, презирующие мелкопоместных, тогда как *«из них около половины родовичей, тех коренных дворян, предки которых, составляя служилое сословие у великих князей и царей наших, подвигами своими, своею верностью и кровью заслужили грамоту 1761 г., которою мы облагорожены»*¹² (да не подумает читатель, что *мы* это от себя говорим. Сохрани бог!.. мы повторяем только слова г. Л. Загоскина, не думая относить их — ни к себе, ни даже к вам, читатель, кто бы вы ни были.)

Итак, в малом числе подписавшихся виноваты люди, которых г. Л. Загоскин называет головами. *«Ушли мы с 1831 г. далеко»*¹³, а головы все сидят на плечах у нас», — замечает он в заключение, обнаруживая не совсем понятное для нас желание, чтобы у него голова на плечах не сидела... Может

быть, г. Л. Загоскин по собственному опыту знает, что без головы человеку жить лучше?

Но возвратимся к письму г. Половцова, по поводу которого в «Журнале землевладельцев» поднят был важный вопрос об именах дворян и дворянок. Малое число подписавшихся г. Половцов (не совсем несогласно с г. Л. Загоскиным) приписывает медленности помещиков и поспешности предводителей. Вот случай, им рассказанный.

«Это дело (считанье женских имен в списках) с моей стороны началось очень просто. Одна из барынь-помещиц, управляющая имением «по доверию мужа», просила меня написать ответ предводителю дворянства о том, согласна ли она на улучшение быта своих крестьян? — Что ж, согласны ли вы? *«О, с восторгом!»* Эти слова были темою чернового писания, в котором почти ничего и не переменено (и зачем же переменять? Г. Половцов пишет таким хорошим слогом и притом же *сам* сочинил грамматику русскую!). Но как в письме предводителя было сказано, что молчание далее определенного срока будет принято за согласие, то мы не торопились отправкою; а вышло то, что имя барынки (?) не попало в список 970 дворян-помещиков Орловской губернии, хотя в нем отыскались имена 304 дам и девиц».

Рассказав столь любопытный и знаменательный факт, г. Половцов приступает к следующим красноречивым размышлениям, делающим честь его бойкому перу и многосторонним познаниям:

«Кто не знает, как *упоительно* звучит (?) имя, отчество, — а по-русски величание, — и *переменяемое* (?)

прозвище, — по-иностранному фамилия, — любимой особы, тот только не поймет, что и в просмотре списка дворян-помещиков с выискиванием женских имен можно находить *большое удовольствие* (еще бы!). Каждое имя (слушайте!) нарекается младенцу при Св. Крещении*, *иногда* имена имеют значение: Анатолий — восток, София — премудрость и проч.; перечислением имен начинается Новый Завет, священнейшая из книг, и каждым из этих имен знаменуется поколение, иная история состоит почти только из имен (хорошая история!). Одним словом, *разохотившись* просматривать имена дворянок-помещиц трех губерний, которые выпечатаны в № 1, «Ж. 3.», я стал считать имена и в «Московских ведомостях».

Затем г. В. Половцов приводит цифры. Оказалось, что он имел терпение насчитать 1623 дворянки-помещицы в разных губерниях. Но не довольствуясь своим трудолюбием и тем, что поведал миру результаты его, г. В. Половцов предлагает следующее:

«Нельзя ли было бы напечатать списки хоть особой книжкою, в виде приложения к вашему журналу, и притом в два столбца, ошуюю могли бы быть мужчины, а одесную¹⁴ с пробелами (!) женщины и девицы? А уже если разделять, да распределять, так можно было бы расписать имена и по классам супругов и отцов; юнкерша и канцеляристка точно также заняли бы свое место, как и действительные тайные советницы, графини и светлейшие княгини. Не знаю, почему нет у нас слова «другиня», т. е. друг женского пола, другое и даже первое я. (Тут уже филологические тенденции овладевают

---

* Попадались и неупотребительные: Сарра, Капитолина, Доминика, Августина, Фиона и Митродора. *Авт.* (Сам автор позаботился отметить свое примечание; значит читатели не могут уже подумать, что мы нарочно его сочинили).

г. Половцовым, и он дает нам редкий случай наблюдать за грамматиком, рассуждающим об общественных вопросах. Внимайте же!) Это совсем не подруга, подружка, подруженька, которые веют на нас молодостью; и друг — не то, это мужчина. «Другиня» — в смысле первыни могло бы быть самым почетным из всех званий женщины и даже девицы. Жена-друг — вот другиня, мать, конечно, не всякая, — сестра в роде матери, *тетка-полу-провидение* (о чудеса грамматики!) — вот другини! У нас есть женские названия: княгиня, героиня и богиня, от мужских: князь, герой и бог (языческий). Почему же не быть другине от слова друг (христианский)? Притом же друг служит теперь, как будто за недостатком слов в нашем богатом русском языке, названием и женщины: мой друг, дружок, дружочек! говорит муж жене, брат сестре, даже отец дочери. Так, слово другиня произошло бы не от мужского друг, а само из себя, и *разумеется возымело бы свою историю* *.

История богов и богинь — дело давнее и не наше, а князей и княгинь — поближе к нам. Вот и сегодня (письмо г. Половцова писано 11-го июля) церковь наша празднует память св. Ольги, которою начинается весь сонм святых угодников православной российской церкви. Эта знаменитая в древней Руси государыня, *мать героя Святослава и бабка Владимира Великого, родом псковитянка, родилась не княжной и не царвною, а простолюдинкою* (урок из истории для читателей «Жур. земл.»). Супружество возвело ее на степень княгини, именно великой княгини, но *немерцающее* (каков русский язык у почтенного грамматика? *немерцающее* вместо

* В церковнославянском *есть* слово «другиня», и народ слышит это слово в одной из церковных песен, во время пасхи. *Ред.*

(Это опять не наше примечание: это счел нужным заметить редактор «Журнала землевладельцев».)

немеркнущее!) в веках величие добыла она себе сама по праву женщины–христианки. Это же самое почетное из всех званий человека вполне доступно каждой из дворянок–помещиц (разумеется, все они не басурманки, не нехристи), о которых начал я беседовать с вами, почтенный А. Д.¹⁵, перебирая списки дворян–помещиков разных губерний.

Св. Ольга приняла христианство, потому что и живя среди язычников постигла всю цену учения Спасителя. Она сложила с себя бремя десятилетнего управления государством, удалилась в Царь–град и занялась учением христианским. *Не то ли же предстоит* (вот тебе и раз: в Царь–град удалиться?) *и многим из наших барынь, живших по деревням и несших на себе тягостное бремя управления крестьянами?* Безграничные права их *тяготели над ними, еще более (!!!) чем над подвластными им душами* человеческими, подобно язычеству, которое во времена св. Ольги считалось верою отцов и было так сильно, что знаменитый сын Игоря¹⁶ никак не хотел расстаться с своими языческими обязанностями и пребыл им верен, до насильственной смерти своей. Ольга слышала о вере христовой от воинов супруга своего¹⁷, бывших в Греции; а мы слышали об улучшении быта помещичьих крестьян–христиан и крестьянок–христианок от венчанного на царство помазанника божия. Великая княгиня Ольга без сомнения находилась в продолжительной борьбе сама с собою: предпринимать ли дело новое, трудное и ответственное

пред потомством? *Нам облегчен этот подвиг:* высочайше повелено мужчинам обдумать дело в полгода; а за нас

потрудится сам батюшка царь, с своими поседельными в советах боярами, в главном комитете по крестьянскому делу.

И св. Ольга ждала, ждала, пока ей можно было сложить бремя правления на рамена сыновей (*сыновей!?*)¹⁸. А нам, если придется подождать и 12 лет, так *что ж это за срок в сравнении с веками*, которые будут наслаждаться плодами трудов и пожертвований второй половины XIX века в громадной России? Между дворянами–помещиками Псковской губернии нашел я вдову капитана Варвару Лаврову с сыновьями полковниками Степаном и Николаем Егоровичами — вот образчик нераздельного владения матери с детьми в богобоязненном семейственном быту. Да продлится он на многие лета!»

Прекрасное письмо г. Половцова оканчивается следующей просьбою, которая обнаруживает, что он не словом только, но и делом старается об увеличении числа женских имен во всякого рода подписках. «Позвольте кстати попросить вас, — пишет он, — внести в число подписавшихся на «Жур. земл.» имя жены моей Лидии Осиповны, *с припискою в Иерусалим: ибо мы просим отправлять экземпляр ее к брату моему иеромонаху Ювеналию, члену иерусалимской миссии*».

Видно, что г. Половцову очень хотелось *упиться* звуком имени жены своей, когда он упрашивал записать ее вместо своего брата. «Журнал землевладельцев» и записал ее в Иерусалиме, хотя она живет с г. Половцовым в Саратовской губернии.

Мало того: «Журнал землевладельцев», приняв серьезно все письмо г. Половцова, с чувством душевного прискорбия оправдывается от его упреков. Вот начало его *ответа* г. Половцову:

«От вас менее, чем от кого–нибудь, ожидали мы упрека, что *журнал наш как будто не благоволит к прекрасному*

полу. И на чем же основываете вы такое капитальное обвинение?..»

И так далее... Журнал блистательно оправдывается от нареканий г. Половцова, и мы вполне уверены, что он с письмом г. Половцова и с своим ответом действительно *«врезается на скрижали отечественной истории на вечные времена»*.